

... И остановились мгновения истории

28 июня 1932 года фотограф Барашок побывал в коммуне "Кудрово" в Ленинградской области. В 15 км от Ленинграда на месте, где был сплошной лес, в 1929-31 годах выросли такие вот бараки на снимке (вверху). В коммуне трудилось 500 человек, занимались коммунары, в основном, парниковым хозяйством, разводили племенной молочный скот.

А на снимке в центре (справа) американская трудовая коммуна. В 1920-30 годах существовала такая на ст. Всеволожской в селе Рябово. Члены коммуны собрались на обед в столовой (фотограф неизвестен). На снимке (внизу) опять же Рябововская американская коммуна, члены коммуны в кузнице.

20-30-е годы отмечены не только самоотверженным трудом, в этот период на территории области выпускались газеты (почти каждое предприятие считало делом чести иметь свою газету). На снимке вверху (справа) фотографа Малова вы видите у микрофона культпропагандиста Герасимова - радиоузел коммуны "Кудрово" транслирует очередной выпуск радиогазеты. Снимок сделан 8 января 1933 года в коммуне "Кудрово".

Фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов (СПб).

Мы уже рассказывали о первых "музеях" Приладожья - домике в Дубно и "железном павильоне" в Шлиссельбурге, где до 1930-х гг. хранились ботик Петра Великого и катер императора Александра II, знамена Ладожского канального батальона, лопатки Петра I и цесаревны Анны Петровны ("Ладога", 1994, 17 мая; 1996, 16 мая). Сегодня перед нами приоткрывается еще одна неизвестная страница былого, возвращающая нас к истокам музейного и выставочного дела в наших краях.

Кто хочет добраться до места, именуемого на разговорном языке Морозовкой, должен на электричке доехать до железнодорожной платформы 21-го километра.

В километре отсюда Ладога кончается и начинается "державное течение" Невы. Там, в истоке реки, и стоит древняя крепость "Орешек", которую Петр I переименовал в Шлиссельбург и в которой двадцать один год одиночного заключения провел потомок великого Петра (по родовой линии своего отца помещика П. А. Щепочкина) Николай Александрович Морозов, имя которого с 1923 года носит бывший поселок порохового завода при городе Шлиссельбурге.

Этот небольшой приладожский уголок России облюбовали в начале 80-х годов прошлого столетия немецкие предприниматели Дуттенгофер и Гейдеман для строительства завода, выпускающего пороха. Их влекла не имевшая аналогов в Европе чистейшая вода Ладоги, от которой зависело качество порохового вещества. К 1890 г.

Д. И. Менделеев разгадал секрет немецкой пороховой технологии, и было решено наладить на Шлиссельбургском пороховом заводе собственное производство высококачественных порохов.

До начала первой мировой войны Шлиссельбургский пороховой завод Русского об-

щества для выделки и продажи пороха процветал: рядом с ним строился жилой поселок, причем такой, что воспоминание о его красоте, как укор и сожаление дню нынешнему, живо в памяти морозовцев до сих пор.

Когда фашистские войска заняли Шлиссельбург, поселок им. Морозова находился под постоянными артобстрелами. Именно тогда по приказу К. Е. Ворошилова была взорвана церковь св. апостолов Петра и Павла ("Ладога", 1996, 9 октября). Так шедевр русской архитектуры начала XX в. пошел на кирпич для мощения среди болот дороги для наших танков. Тогда же был уничтожен и выставочный павильон (на снимке), построенный в 1920-е гг., и в нем, в павильоне, находилась картинная галерея. Кем был построен этот павильон, какие выставки в нем проводились? - на эти вопросы историкам еще предстоит ответить.

По материалам публикации П. Викторова ("Всеволожские вести", 1996, 15 октября).

На снимках: на улице старой застройки; возле поселкового рынка; Дом культуры им. Чекалова.

Выставочный павильон

ХРАМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ КНЯЗЬ

"В Лопском же погосте, Волостка Казимировская да Федоровская Яковля Победитцкого. За Ивашком за Дмитриевым сына Оклячьева.

Деревня на усть Назыи, (д) Фефилко Сидков; сеет ржи две короби, а сена косит двадцать копен, пол обжи. А старого доходу шло три деньги, сыр, горсть льну, а хлеба четверка ржи. А новый доход потому ж". (1500 год).

рей Петр Георгиевский.

По прошению "Назинских заводов церкви Покрова" священника Прокофия Афонасьева и прихожан в Канцелярию городских дел прохуdivшаяся крыша церкви в 1724 году была перекрыта новым гонтом самими "мастеровыми людьми

при тех заводах". В 1764 году Канцелярией от строений по рапорту конторы Назинских заводов и по указу Екатерины II было отпущено кузнецу Еремею Иванову 50 листов кровельного железа для "перекрышки" церкви. Тогда на Назье-реке были лесопильные заводы, знаменитый стекольный завод, где делали посуду, стекло и зеркала для императорских дворцов. Так что прихожан было уже немало.

В 1820 году на каменном фундаменте над притвором построили деревянную восьмигранную колокольню в 8 сажень высотой, храм обшили новыми досками, оштукатурили и окрасили внутри, покрыли железом. В 1882-1883 годах церковь обновили, стены ее снова были окрашены - на 300 рублей серебром.

Это был старейший храм Шлиссельбургского уезда, представлявший историческую ценность, а потому в 1898 году понадобилось согласие Императорской Археологической комиссии, чтобы существующую колокольню "разобрать до основания, исправить части фундамента и переменить верх венцов, затем не изменяя размеров, собрать и

построить как она существовала прежде". Для этого сделали с натуры чертежи. Эти планы и фасады постройки уцелели в одном из петербургских архивов, а вот саму церковь уничтожили в годы войны. Остались лишь воспоминания старожилов о ее голубых стенах, да заросшее травой забвения церковное кладбище...

Вложен в серебряный оклад и покрыт слюдой "для сохранения" был найденный как-то под

младенца Иисуса, лежащего в сосуде в виде купели с надписью: "Се агнец Божий вземляй грехи всего мира"; Евангелия 1703, 1763 года, месячные минеи 1692 года, служебник 1763 года, молебная книжка 1743 года, требник 1641 года; два оловянных ковчега с изображениями ангелов с рипидами, положения Христа и ликов святых - все это являлось убранством Назынской церкви.

В Назии, в семье священника Герасима

Иродионова в 1742 году родился сын Петр, впоследствии известный как художник-миниатюрист академик П. Г. Жарков...

В праздники в Покровской церкви всегда былолюдно. Собирались прихожане из Верхней (Горной) и Нижней Назии, из деревни Бугры - местные жители - петербургские и шлиссельбургские купцы и мещане, помещики, рыбаки, погонщики и судоходцы с каналов. Над рекой, над озерным побережьем разносился звон 60-пудового церковного колокола. На нем были какие-то непонятные печати и надпись "1748. Tho

Lester MADE LISALL". Жаль, что мы не успели ни услышать его голос, ни разгадать странные эти надписи.

А. Д. МЕНШИКОВ. Гравюра Ж. Симона. 1717 г. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Назии. Фото 1900-х гг.

престолом храма четырехконечный кипарисовый крест с частицами мощей, с изображениями на библейские сюжеты. Жестяные старинные венцы, оловянный дискос с изображением

500 лет

По Водской дороге

Древняя Водская дорога вела из Великого Новгорода в Водскую пятину. Путь этот пролегал через Шапки, к реке Назье, к Орешку. По названию коренного финно-угорского населения - племени водь - называли дорогу. Еще в XII веке водь оказалась в составе Новгородской республики, смешалась со славянским и ижорским населением края.

Водская (Вотьская) пятинная часть Новгородской земли - находилась между реками Волховым и Лугой, в нее входила Ижорская земля по обеим берегам Невы, юго-западное Приладожье, побережье Финского залива от устья Невы до устья Наровы.

После покорения Новгорода Иваном III, в 1491 или 1492 году, начато было описание новгородских земель новгородскими писцами, использовавшими сведения 1480-х годов. Его повторили великокняжеские писцы в 1494-1498 годах, а Водскую пятину описали в 1499-1500 годах.

Писцовая книга 1500 года - тома форматом в четверть листа - в XIX веке хранилась в Москве, в Главном архиве Министерства иностранных дел (ныне РГАДА). Ее впервые опубликовал в 1851 году князь М. А. Оболенский во "Временнике Императорского Московского Обще-

ства истории и древностей российских".

Страницы томов книги покрыты мелкой скорописью конца XV - начала XVI века, начальные строки заглавий, названия городов, церквей и погостов, некоторые собственные имена выделены буквами

разной величины, иногда даже вязью. Книги Воцкие пятинны писма Дмитрия Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лета семь тысяч осмаго. А в них писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни Великого Князя и за бояры и за детьми боярскими и за служилыми людьми за помещицы и своеземцовы и купецкие деревни и владычны и монастырские деревни в соху по новгородскому. А в сохе по три обжи. А на пригороды, на посады и на Великого Князя волости и на села и на деревни кладен Великого Князя оброк рубли с полтинами и гривнами и денгами новгородскими в новгородское число -

таково полное название этого древнейшего документа.

Деревни современного Кировского района относились к двум уездам пятинны - Ореховскому и Ладожскому "с волостями и погосты". Названия погостов (округов) состояли из двух

слов: названия церковного - от названия церкви в главном селении, которое тоже называли погостом, названия гражданского - от названия города или селения.

В Ореховском уезде погост Спасский Городенский имел центр в городе Орешке с церковью Спаса и простирался от истока до устья Невы. Погост Егорьевский Лопский включал в себя деревни

у рек Лавы, Назьи, Шальди, где в Лопи был центр погоста. Погост Никольский Яровольский занимал земли в верховьях рек Мьи и Назьи ("Л", 1999, 25 февр.).

В Ладожском уезде к погосту Егорьевскому Теребужскому принадлежали деревни от Тере-

бужки (ныне д. Теребушка) до правобережья реки Лавы ("Л", 1993, 17 авг.). А к погосту Городенскому - по городу Ладоге - относились наши деревни кобонского прибрежья и ближайших окрестностей.

Погост - место, где собирались для гостыбы жители волостей, входивших в него. Здесь устраивались торжки, базары, недаром говорили: "Было б пиво на погосте, а у пива будут гости". Церкви на погостах строили, как правило, с трапезной, в которой вершились дела церковные и гражданские.

Дошедшая до нас Переписная окладная книга 1500 года перечисляет дворы, церкви, лавки, учитывает пашню, поименно называет владельцев городских домов и деревенских дворов Водской пятинны. По ней велся счет обывателей, казенных повинностей, назначение и сбор податей, великокняжеской дани, следовавшей в казну.

Казалось бы, это сухие статистические сведения о коробьях, обжах, гривнах и деньгах, но за ними стоят дела наших предков, сеявших на этой земле рожь, овес и лен, разводивших птиц и скот, повивших ладожских сига. Всегда была эта земля, по словам летописца, "и хлебна, и скоты велики, и лен и железо добро".

ИВАН III. Гравюра. 1575 г.

ИЗ ПОЧТЫ СЫРЛАНЦЫ

Монастырь на болоте

Более 40 лет назад, еще мальчишкой, ходил я с друзьями по лесной дороге километров за 20 от Малуксы. Там, среди болота, видели мы фундаменты каких-то зданий. Старики говорили, что был здесь монастырь. Монахи жили тут до войны, когда все постройки обители были разрушены. А мы ходили туда за яблоками, яблонь было много. Монахи сажали деревья в огромные бочки с плодоносной землей. Так что же это был за монастырь близ Малуксы?

Юрий ДМИТРИЕВ,
г. Отрадное.

Это была Лезненская или Грезненская Макарьевская пустошь, находившаяся в 110 верстах от Новгорода, на берегу реки Лезны или Грезны.

Пустошь основал ок. 1540 г. преподобный Макарий, бывший здесь первым игуменом. Мощи его находились под спудом в монастырской Успенской церкви, в 1850-е гг. ставшей приходской и возобновлявшейся в 1870–1871, 1891 гг.

На месте уничтоженной Макарьевской пустоши (пúстыни) в 1894 г. был основан мужской Воскресенский монастырь. В 1907 г. в этом монастыре был игумен, 8 монахов и 38 послушников.

ПРИСТАВОМ СОСТАВЛЕН ПРОТОКОЛ

24 декабря в 9 часов вечера вспыхнул пожар на даче А. А. Воронцова между деревнями Шум и Войбокало. Владелец имения отсутствовал. Дом сгорел до основания, службы остались. Привезли пожарную машину, но ввиду сильного мороза работать она не могла, да бесполезно было бы и пускать в ход ее, т. к. дом был уже весь в огне и о спасении его не могло быть и речи. Говорят, погорела вся мебель и масса вещей. Из имущества ничего не спасли. О причине пожара приставом 4 ст. составлен протокол.

Из уезда.— «Озерный
край», 1913, № 119,
31 декабря.

ЕХАЛИ ПО ТРАКТУ ЯМЩИКИ

По Архангелогородскому тракту, в Шлиссельбургском уезде, до станции Шальдихской, 20 сентября, ехали почтовые ямщики на двух тройках, но неизвестно чего лошади испугались и понесли: одна тройка бросилась к дамбе Ладожского канала, а другая в Ладожский канал, где и утонула; ямщик же, бывший на барках и гонках людьми, спасен.

«Санкт-Петербургские
ведомости», 1839, № 239,
19 октября.

СТАРИННАЯ РЕКЛАМА

Желающим отдавать на Шлиссельбургскую ситцевую фабрику разные материи для делания набоек простых грунтовых, гардинных ситцов, полуситцов, выбоек, также вышеуказанной фабрики готовые материи самой чистой работы покупать... обращаться в Санкт-Петербурге в Гостиный двор, лавки Санкт-петербургских купцов Петра Сыренкова и Ивана Ильина Меньшого, под № 102 и 103.

«Санкт-Петербургские
ведомости», 1763, № 37,
17 июля.

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ...

...им возникает ясный образ: двухэтажный белый с колоннами дом около пруда, старинный парк с тенистыми аллеями. Каждая усадьба была явлением уникальным, впитавшим в себя и дух эпохи, и личные вкусы владельцев. Соприкосновение с прошлым «дворянских гнезд» никогда не переставает быть волнующим. Нашим постоянным читателям уже знакомы усадьба Яковлевых в Медное, именина Сахаровых в Васильевское, Шелгуновых в Подолье. Надеемся, что вскоре мы совершим с вами «путешествие» в усадьбу Майковых в Верное, узнаем о старинном барском доме в Милое.

Юсуповы — одна из самых видных по происхождению и богатству русских дворянских фамилий. Их родоначальник — Мурза Юсуф — потомок золотоордынских ханов, отец — казанский царь Сумбег, взятый в плен Иваном Грозным. Их дети и внуки служили русским государям и неоднократно милости были за службу поместьями, стояли близко к престолу.

В середине XVII века принял православие Абдул Мурза, князь Дмитрий Семенович. Его сын генерал-майор и сенатор Григорий Дмитриевич Юсупов был другом детства Петра Великого, участвовал в Азовском походе, сражался под Нарвой и Полтавой. Борис Григорьевич Юсупов получил образование во Франции, управлял Кадетским корпусом и Большим Ладужским каналом. Его сын Николай Борисович Юсупов (1731—1831) стал основателем знаменитого Юсуповского худо-

жественного и книжного собрания. Именно он получил адохновенную характеристику А. С. Пушкина в послании «К вельможе». Н. Б. Юсупов был директором Императорских театров, Императорских стекольного и фарфорового заводов, Императорской мануфактуры, заведывал Эрмитажем. Его называли «главным восстановителем» Москвы после пожара 1812 года. Женат Николай Борисович был на фрейлине Екатерине II Т. В. Энгельгардт, племяннице Г. А. Потемкина.

Гофмейстер Императорского двора князь Борис Николаевич Юсупов (1794—1849) унаследовал от отца не только любовь к искусству и коллекционерскую страсть, но и огромное состояние, в том числе подмосковную усадьбу Архангельское, дворец на набережной Мойки в Петербурге. И вот факт малоизвестный: князья Юсуповы с 1830-х годов владели землями в Шлиссельбургском уезде С.-Петербургской губернии.

Юсуповым принадлежали в Шлиссельбургском уезде Туршино, Кололово, Кирское, Петрово, Сигалово, Лезье и Сологубовка. От помещиков Юсуповых мы достали маза Лисинская и мыза Успенская, которая находилась на правом берегу реки Мги. Ближе Сологубовки. На старинных планах можно увидеть расположение дорог в Успенском, складирующихся тремя лучами к барскому дому, службам, кладовым, амбарами, сараем, мельничным заводом на реке. Указан и парк на берегу Лезьинского пруда, напротив которого на противоположном берегу Мги обозначена круглая башня. Здесь же в усадьбе стояла и деревянная Успенская церковь, построенная в 1786 году местным помещиком Юсуповым, с кладбищем и домом священнослужителей при ней.

По распоряжению Б. Н. Юсупова в церкви был изменен престол: вместо Успения пророка посетились Благовещению, а в связи с этим изменили и название имения на Благовещенское, которое включало в себя собственно усадьбу и близлежащие селения Сологубовка (Сологубовка) и Лезье (Лезье).

Деревянная церковь значительно обветшала, поэтому князь Юсупов решил построить новый каменный храм. Место для него выбрали на вершине высокой конусообразной «Божьей горы» в Лезье, на берегу реки Мги. И название села Лезье связывали с тем, что местность здесь довольно высока и холмиста и на нее нужно взойти или лезть.

В сентябре 1849 года Главноуправляющему путей сообщения и публичных зданий графу П. А. Клейнмихелю был представлен на рассмотрение проект церкви в имении князя Юсупова Благовещенское. Граф Клейнмихель счел необходимым «передать оный составив проект на постройку сей церкви в византийском стиле», который в июне 1850 года и утвердил император Николай I.

Но проект не удовлетворил священнослужителей, церковной старосту и князю Юсупову, которые обратились с прошением к митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Никию об изменении проекта. По их мнению, необходимо было устроить в храме три престола и увеличить размеры предполагаемого здания. Митрополит Никиор отмечал в отношении к графу Клейнмихелю, что князь Юсупов «спервернул храмовый престол Успения Божией матери во имя Благовещения, чего прихожане не желают». По их просьбе новый храм был посвящен Успению. Окончательный проект утвердили в октябре 1850 года. На дошедшем до нашего времени чертеже написано, что его «составил и чертил» петербургский архитектор В. Е. Морган.

Строительство, которое обошлось в 30 тыс. руб., вели на средства церковной старосты с.-петербургского купца Е. Павлова, бывшего крепостного князя Юсупова.

Успенскую церковь освятили в 1851 году. Храм имел три

ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ

престола — Успения Божией Матери, Благовещения и Великомихелюшкина Георгия. Церковь была окрашена в желтый цвет с белыми наличниками окон и другими архитектурными деталями, внутри — «со многими рисунками на потолке». Над покрытой полуглобным куполом центральной частью высились традиционное пятиглавие, шатровая колокольня имела семь колоколов. На наружных стенах храма были укреплены оцинкованные железные доски с образами со сценами Успения, Благовещения, Восхода в Иерусалим. Храм окружала ограда из известняковых плит

**Дворянские гнезда
заветные алл.
Забитый сад.
Полузаросший пруд.
Как хорошо, как все
знакомо тут!
К. Бальмонт (1893 г.)**

с железной решеткой. Теснота новой церкви и неудобство колокольного звона послужили причиной перестройки западной части здания в 1880 году, когда храм удлиннили на 7 саж., перестроили колокольню. В притворе под колокольной поместили справа сторожку, слева — кладовую и лестницу на колокольню. Работы вели по инициативе и под наблюдением церковного старосты с.-петербургского купца Д. Бычкова и священника Н. А. Лебедева. Перестроенную церковь освятили в 1881 году преосвященный Гермоген.

В лезьинской церкви хранили метрические книги с 1802 года, исповедные с 1859 года, кривые — с 1860. Опись внутреннего ее убранства в архивах занимают несколько листов.

Притч Успенской церкви первоначально составляли священник, диакон, дячок, пономарь и просвирня, позднее — священник и два причетника. При церкви имелось кладбище, на котором остались теперь только одно надгробие священника Н. А. Лебедева.

Во второй половине прошлого века в приходе насчитывалось почти полторы тысячи человек. Окрестные крестьяне преимущественно занимались земледелием, в Сологубовке — сапожником и столярным мастерством. В Сологубовке же жили раскольников-фесовцев, переездившие сюда в давние времена из Польши.

После кончины Б. Н. Юсупова имение Благовещенское с крестьянами, лесами и полями, «завершилось» и охотничьи угодьями досталось его сыну Николаю Борисови-

чу Юсупову (1827—1891). Женатый на графине Т. А. Рибольер, он не имел мужского потомства, поэтому титул княгини Юсуповой по повелению императора сохранился за его дочерью Зинаидой Николаевной Юсуповой (1861—1939), женой графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона. «...Славная княгиня, ее все хвалят очень, да и правда, в ней есть что-то тонкое, хорошее...» — заметил художник В. А. Серов.

Благовещенское с лесными

дачами Пустынка, Лисинской,

Лезьинской, Сигаловой, сда-

ваемыми в аренду дачными

заставками — у станции Мга

Северной железной дороги

составляло почти 17 500 деся-

тин земли, приносило Юсупо-

вым немалый доход, о чем

свидетельствуют подробные

ежегодные отчеты управляю-

щего имением. В 1890—

1900-х годах во владениях

княгини Юсуповой была па-

пачная фабрика, кирпичный

завод, водная мельница с

жилыми помещениями при

ней и амбаром, песочный

завод, каменная плотина с

деревянным мостом на реке

Мге. А также амбары, кладо-

вые, конюшни, сараи, бани

и квартиры служащих не-

посредственно в Благовещен-

ском: купца А. Гиббе, еге-

рия М. П. Макутина, старо-

сты Я. Андреева.

Новый барский дом-фли-

гель, деревянный на камени-

стом фундаменте, выстроили

в 1899 году. Представление

о нем, об усадебном быте

начала века дает документ,

составленный в январе 1918

года управляющим имени-

ем А. И. Раске «Опись живого

и мертвого инвентаря имения

Благовещенское княгини

З. Н. Юсуповой». Миновав

барский подъезд, посетитель

попадал в кабинет, где нахо-

дились «портреты княжес-

кие — 2, картины виды — 7,

лося голова — 3, купоратка

— 1, шкаф для книг, стол,

кресла, стулья». В зале стоял

диван, кресла, картонный сто-

лик. На первом этаже была

также большая столовая с ду-

бовым столом, пять комнат,

в том числе для приезжих и

прислуги, кухня. Три комна-

ты располагались на втором

этаже дома: комната с балко-

ном в сад с портретом князя

на стене, комната с балконом

во двор, комната с балконом

на охотничий дом. В доку-

менте перечислены «охотни-

ческие» тарелки, кофейники,

скатерти, сундуки, мебель,

красные и желтые сатеновые

занавески на окнах, «белый

лакейский пиджак». На стенах

кабинета и конторы управ-

ляющего висели планы имения

Благовещенское.

Навсегда исчезло само

название Благовещенское из

географических карт, стерлось из

людей памяти. В 1986 году

разрушили церковь в Лезье. И

теперь там — пустыня. Имя

Юсуповых и их усадебная

история, Юсуповы и русская

культура, наконец, неискорпе-

наются. Хотелось бы отметить

князя Юсупова и нецкую, кото-

рую мы сегодня дали только

лишь «в первом приближении».

Марина ШТАТНОВА.

О НАС ПИСАЛИ

ТИШЬ, ГЛАДЬ И БОЖИЯ БЛАГОДАТЬ...

Тишь, гладь и Божия благодать привлекли много народу в Шлиссельбург 8-го июля, день праздника Казанской Божией Матери. Богомольцев, говорят, было много и прошлого года, но нынче чуть ли не вдвое более... Впрочем, хорошая ли погода, или новая каменная часовая, нарочно выстроенная на берегу реки, близ входа в Новоладужский канал, для помещения чудотворной иконы, на время ее пребывания в городе, привлекли сюда усердных богомольцев — разяснить мудрено: только то, что праздник прошел благополучно, с гуляньем и с ярмаркою.

«Санкт-Петербургские губернские ведомости», 1865, № 35, 28 августа.

ПРИУТ ДЛЯ ПОГОНЩИКОВ

В больших и богатых селах, расположенных по каналам, погонщикам, если по обстоятельствам, т. е. случайно, приходится остановиться в них, могут найти харчевни и тому подобные приюты, причем в таких селах наблюдается и разгул. В этом отношении известна Назия, находящаяся между Шлиссельбургом и Новою Лад-

гою. Это село является естественным этапом погонщиков.

М. С. Уваров. Приладожские каналы. — «Сборник С.-Петербургского Округа путей сообщения». Вып. 2. СПб., 1902, с. 454.

НА СТАНЦИИ В ПЕЛЛЕ

В Пелле я нашел жену мою и брата Александра, княгиню С. Г. Волконскую с сыном. Жена сказала мне, что она завтра же за мной выезжает; мы пробыли вместе часа два и расстались.

С. П. Трубецкой. Записки. — В кн.: Мемуары декабристов. М., 1988, с. 75.

ПРИСТАВОМ СОСТАВЛЕН ПРОТОКОЛ

24 декабря в 9 часов вечера вспыхнул пожар на улице А. А. Воронина между деревянными Шум и Войбокал. Владелец имения отсутствовал. Дом сгорел до основания, службы остались. Привезли пожарную машину, но ввиду сильного мороза работать она не могла, да бесполезно было бы и пускаться в ход ее, т. к. дом был уже весь в огне и о спасении его не могло быть и речи. Говорят, погорела вся мебель и масса вещей. Из имущества ничего не спасли. О причине пожара приставом 4 ст. составлен протокол.

Из уезда. — «Озерный край», 1913, № 119, 31 декабря.

ЕХАЛИ ПО ТРАКТУ ЯМЩИКИ

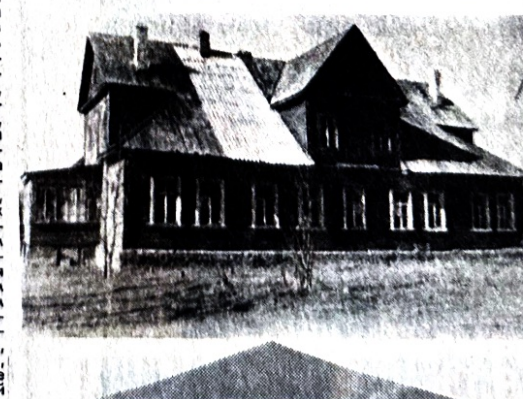
По Архангелогородскому тракту, в Шлиссельбургском уезде, до станции Шальдихской, 20 сентября, ехали почтовые ямщики на двух тройках, но неизвестно чего лошади испугались и понесли: одна тройка бросилась к дамбе Ладужского канала, а другая в Ладужский канал, где и утонула; ямщик же, бывший на барках и гонках людей, спасен.

«Санкт-Петербургские ведомости», 1839, № 239, 19 октября.

СТАРИННАЯ РЕКЛАМА

Желающим отдавать на Шлиссельбургскую ситцевую фабрику разные материи для делания набоек простых грунтовых, гардинных ситцев, полуситцев, абышек, также вышеуказанной фабрики готовые материи самой чистой работы покупать... обращаться в Санкт-Петербурге в Гостинный двор, лавки Санкт-Петербургских купцов Петра Сыренкова и Ивана Ильина Меньшого, под № 102 и 103.

«Санкт-Петербургские ведомости», 1763, № 37, 17 июля.

НА СНИМКАХ: княгиня З. Н. Юсупова на портре-

те В. А. Серова (1900—1902 гг., Русский музей); Успенская церковь в Лезье; плотина на реке Мге и барский дом в Сологубовке (фото 1984 г.).

Фото Владимира АНИСИМОВА, Сергея ВЛАСОВА и автора.

500 лет у озера

«В Городенском же погосте Великого Князя волости за бояры, и за детми за боярскими, и за служилыми людьми в поместье.

Великого Князя.

Волость Победищо и Вирола, Федоровская Яковля Победитцкого, за Иваном Михайловичем за Волынским. Отдано Олеше Иванову сыну Отяева.

Деревня Легмасарь (Лемосарь. — Ред.), (д) Перха Ивашков, сын его Кондратко, (д) Гурейко Лопин; сеют ржы четыре коробьи, а сена косят тридцать копен, обжа; а старого дохода боран, пяток льну, чаша масла, а из хлеба треть, а ключнику лопатка боранья, сыр, горсть льну, овчина; а новый доход потому ж.

Деревня Кобона, на речке на Кобоне, (д) Филипко Овсёвов; сеет ржы четыре коробьи, а сена косит тридцать копен, обжа; а старого дохода боран, полоть мяса, чаша масла, а из хлеба треть, а ключнику лопатка боранья, сыр, горсть льну, овчина; а новый доход потому ж.

Деревня Вирола (Верола. — Ред.), Большой Двор, на речке на Вироле, (д) Митя Деверев, сын его Гридица; сеют ржы шесть коробей, а сена косят

сорок копен, полторы обжы; а старого дохода нешло, похали на Федора; а нового дохода три деньги, боран, полоть мяса, куря, пяток льну, острамок сена, а из хлеба треть, а ключнику лопатка баранья, сыр, горсть льну, овчина.

Деревня Бор, Сухое на мху, (д) Лучка Савин, дети его Сень-

ка да Савка; сеют ржы шесть коробей, а сена косят тридцать копен, полторы обжы; а старого дохода боран, полоть мяса, куря, чаша масла, пяток льну, а из хлеба треть, а ключнику лопатка боранья, горсть льну, овчина; а новаго дохода две гривны, а из хлеба четверть, а ключнику лопатка боранья, горсть льну, овчина.

Деревня Выстав, (д) Овдокимко Игнатов; сеет ржы полтретьи коробьи, а сена косит пятнадцать копен, пол обжа; а старого дохода шесть денег, а из хлеба треть, а ключнику лопатка боранья, горсть льну; а новый доход по тому ж.

Деревня Митола, (д) Харитонко Сенкин, сын его Сенка, (д) Макарик, да Климко Сенкини ж; сеют ржы 8 коробей, а сена косят 40 копен, 2 обжы; а старого дохода боран, полоть мяса, куря, чаша масла, пяток яиц, а из хлеба треть; а ключнику лопатка боранья, горсть льну, овчина; а новаго дохода две гривны, а из хлеба четверть, а ключнику лопатка баранья, горсть льну, овчина».

Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 (1500) года

Шальдих в наших краях в старину было три. Шальдихой называлась река, впадающая в Ладожское озеро и давшая свое имя двум деревням — Шальдихе Горной (Верхней) близ Путилово и Шальдихе Нижней на озерном берегу. Полноводная Шальдиха превратилась ныне в небольшой ручеек и совершенно непостижимым образом «сменила» древнее свое имя, бывшее сродни знаменитой антверпенской Шельде. На современной географической карте реки Шальдихи вы не найдете — теперь называют ее Рябиновкой, но две деревни, две Шальдихи по-прежнему стоят на ее берегах...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ДАЛЕКОЕ — БЛИЗКОЕ

НИЖНЯЯ ШАЛЬДИХА

Писали и говорили по-разному: Шелдига, Шелдиха, Шельдиха, Шальдиха, Нижняя или — чаще всего в народе — Канавная Шальдиха. «Канавой» же любовно величали Ладожский канал, на дамбах которого и раскинулась деревня, исторически связанная с каналом, а значит и с именем императора Петра Великого.

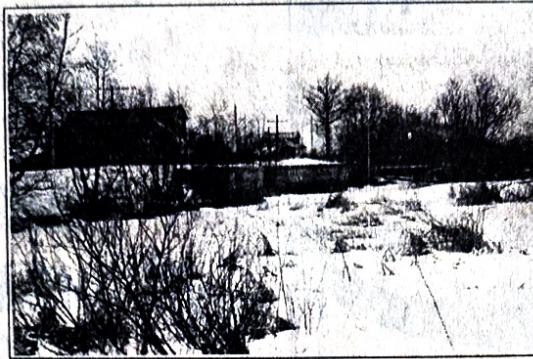
В октябре 1723 года Петр из Назили сухим путем приехал в Шальдиху, потом осмотрел в четырех верстах от деревни плитные ломки на Путиловской горе, а «оттоль возвратясь изволил ночевать в Шелдихе в кибитке». Утром на подке отправился далее по каналу, прокопанному в тот год только еще до Шальдихи. Летом 1724 года войска и вольные работные люди копали русло канала от Шальдихи до Назили.

Строителю канала Б. Х. Миниху в октябре 1724 года курьер доставил из Петергофа царский указ: «Тосподин генерал-лейтенант. Понеже надеемся быть на вашу работу, и для убавки езды сухова пути (который после болезни моей не без труда будет) чтоб на Шелдихе лотки (подки. — Ред.) большие крылья приготовить, в которых бы проехать тем местом, где прошлого года ехали, а оттоль к вашей работе сухим путем, который також испразнить Петр». Так осенью 1724 года государь вновь побывал в деревне Шальдихе.

Там, где канал начинается у Шелдиги, — свидетельствовал иноземный путешественник Ф. В. Берхгольц в 1725 году, — он проходит через реку Шелдигу и река эта с обеих сторон обложена фашинами... В 1728 году реку перекрыли «мурованными спусками» на северной и южной стороне канала. В 1760-е гг. южный водоспуск упразднили за ненадобностью и построили бечевой деревянный подъемный мост, а на северной стороне канала соорудили гранитный водоспуск, который прослужил почти семьдесят лет. В 1831–1835 гг. на его месте по проекту инженера путей сообщения С. В. Семичева построили новый водоспуск. Из-за обмеления канала в 1890-е гг. Шальдихский водоспуск был засыпан землей, но его гранитные устои сохранились до наших дней. Был еще и «плавающий» деревянный мост через канал, который в 1900-е гг. заменили железным понтоном мостом.

По нагорному бечевнику и дамбе Ладожского канала от Шлиссельбурга до Лаврово проходил Архангелогородский почтовый тракт. Еще в 1757 году по сенатскому указу в Шальдихе была учреждена почтовая станция. Многие известные путники останавливались в Шальдихе для перемены лошадей, а в августе 1833 года по дорожной до станции Шальдихи была дана архитектура К. А. Тону — автору храма Христа Спасителя в Москве...

Добраться до деревни можно было не только по тракту, но и на пассажирском судне — трешкоте. Отправлявшийся днем из Шлиссельбурга, трешкот к вечеру подходил к деревне Шальдихе. В этом месте, писал в 1875 году очевидец, — бывает большая задержка судов. Тут и трешкот задерживается на два и на три часа и более... Подойдя к Шальдихе, на-

«До станции Шальдихи меня везли Ладожским каналом, глубоким и необселенным; я видел только снег на дороге и с боков и снежное небо над головою; это белое однообразие прерывалось иногда шлюзами, впадающими со стороны речек, и красивыми над ними чужеземными мостами. Для перемены лошадей не поднимаются в гору: станция в большой деревне Шальдихе на самом берегу канала...»
Поездки по России. — «Иллюстрация», 1848.

чинается у трешкотов с прочими судозавоевателями брань, которую, вероятно, не многим случалось слышать. Для пассажиров тут совершенная пытка: ухотраждает от ругани, голова болит от беспрестанного стука трешкота о барки...» А задержка судостроения была в этом месте из-за нагрузки путиловской плиты, так как в Нижней Шальдихе зимой свозили на санях выломанную летом путиловскую плиту и складывали в штабеля. Склады плиты тянулись на несколько верст — от Лаврово и на 4 версты за Шальдиху, — узкой полосой, ограниченной с одной стороны обязательным пятисаженным расстоянием от канальной дамбы, по которой шел тракт, а с другой — топями и низинами. Все это затрудняло «возку» плиты, ее погрузку на суда и доставку в С.-Петербург.

Путиловцы в 1836 году просили отвести им место для складки материалов Путиловского плитного заведения близ Нижней Шальдихи, но просимое

место «единолично» занимали складами своей плиты плитопромышленники М. Тихонов и Н. Спиридонов — тот самый Спиридонов, который вместе со своими братьями соорудил памятник Петру Великому у Красных Сосен.

Чтобы обеспечить подвозку плиты не только по санному пути, но и летом, в 1852 году иностранцу Китсону было дано право на устройство до Нижней Шальдихи своеобразной дороги, где вместо рельсов были уложены продольные брусья, а у тележек, которые тащили лошади, вместо железных колес были шины. Подвоз тяжелой плиты по такой дороге оказался неудобен, и из-за неблагоприятного хода коммерческих дел предприятие Китсона и его преемника путиловского плитопромышленника Макарова было заброшено. Но в 1871 году по ходатайству Общества разработки Путиловско-Антоновских плитных ломов была открыта конно-железная дорога в 5 верст длиною, проведена

очистка на 26 версте дамб и русла канала от засорявшей его обвалившейся плиты.

Долго добывались путиловские плитопромышленники разрешения складывать плиту во всю ширину дамб канала на три версты по обе стороны от Нижней Шальдихи: в 1882 году последовало прошение об этом И. Кукекова и Я. Игнашкина, в 1893 — Шлиссельбургской земской управы. Но Правление 1 Округа путей сообщения, ведавшее каналом, не поддержало «интересы немногих плитопромышленников в ущерб общественной пользе», потому что склад плиты на дамбе, снежные заносы между штабелями, мешали бы проезду по Архангелогородскому почтовому тракту.

Все проезжали-проплывали по тракту и каналу мимо Нижней Шальдихи, а деревня жила своей собственной неторопливой жизнью, насчитывающей уже почти пять веков. Деревня Шелдиха Егорьевского Попского погоста Водской пятины упоминается в Переписной Окладной книге 1500 года: «В деревне в Шелдихе, в Олферовской Ивановна сына Офонасова, да за Петрушою за Аминовым, на Ивашкова половине, Степанко Фомин; сеет ржи две коробы, а сена косит двадцать копен, пол обжи. А старого доходу шло пять сивов, пол четвертки соли. А нового доходу оброком гривна, да десять сивов».

Известно, что в 1838 году в деревне было 242 жителя, в 1875 — 72 двора и 197 душ, в 1912 — 226 человек. Шальдихские земли видели многих владельцев: светлейших князей А. Д. Меншикова и Г. А. Потемкина, действительную статскую советницу генеральшу Е. П. Юрьеву и генерал-майора А. И. Богомолова. Владели здесь землями и преуспевающие путиловские плитопромышленники, а И. С. Кукеков даже сдавал их в аренду под склады плиты.

Вдоль канала стояли деревянные одноэтажные дома с мезонинами крестьян Дерябиных, Шарыпиных, «торгующего акциз» крестьянина Веденева и других, отставного придворного кучера Драпкина, дом с мезонином и лавкой шлиссельбургского купца Никитина, двухэтажный дом с башней петербургского купца Львова, дома помещиков Юрьевых и Богомоловых. Генерал-майор артиллерии А. И. Богомолов жил в Нижней Шальдихе и был погребен на церковном кладбище в Путилово, где еще в начале века сохранялась его могила.

В деревне был казенный дом лесничего Шлиссельбургского лесничества, караульный дом при водоспуске на канале, булыжная мостовая по бечевникам которого была выложена в 1843 году. Была одноклассная церковно-приходская школа, часовня Тихвинской Богоматери. В 1910-е гг. в Нижней Шальдихе открыли почтово-телеграфную станцию и провели телефонную сеть.

Белым безмолвием встречает вас нынче Нижняя Шальдиха. Спит под рыхлым мартовским снегом канал, дремлют в тишине вековые деревья — молчаливые свидетели минувшего. Притихла деревня, когда-то многолюдная, звонкая, яркая...

Марина ЛЕРМОНТОВА.

Фото автора.

Перепечатка и использование материалов разрешается только со ссылкой на газету.

“ЧТОБЫ СИЖКИ ЛУЧШЕ ШЛИ...”

“Среди ладожских рыбаков весьма распространены различные суеверия и мистические обряды, имеющие связь с их профессией. Пережитки далекого, языческого прошлого все еще коренятся в нравах прибрежного населения.

Недавно среди здешней партии рыбаков распространился слух, что на озере стал “показываться” один утонувший рыбак. Некоторые рыбаки стали утверждать, что своими глазами видели, как утопленник сидел при лунном свете на ледяном торосе и даже пел какую-то песню. А по верованиям рыбаков, душа утонувшего рыбака продолжает рыбачить, поступая “в услужение” к водяному царю, и такой бесплотный рыбак может оказать весьма существенную услугу своим оставшимся в этом мире земляками, сгоняя в невод рыбу. Конечно, такое верование имеет за собой многовековую давность. Начните говорить на эту тему с современным рыбаком: он как будто и не верит этому, назовет такое верование глупостью и бабушкиными сказками, но в душе он испытывает сомнение, мысленно решает “все может быть” и... при случае блестящим образом доказывает, как живуч этот предрассудок в рыбацкой массе. Конечно, докажет он это в кругу своих же людей, единомышленников-рыбаков.

Так случилось и на этот раз. Лишь только молва о “показывающемся” утопленнике распространилась среди рыбаков, кто-то из стариков высказал компетентное мнение, что утопленник “не здря” показывается своим, а “стало быть с намерением”. Вывод из стариковских рассуждений был таков: рыбак появляется с “того света” с целью провести время с земля-

ками, хочет выпить с ними и т.д. А что он может оказать большую услугу при ловле рыбы, это уже находится вне всякого сомнения.

И вот группа ловцов решает “почтить” земляка-утопленника “как следует”. Рыбаки отправляются на озеро, на то место, где показывается утопленник, тащат с собой водку и закуски. Пьют и поминают погибшего земляка и просят его при этом “помочь насчет лова”, чтобы сижки лучше шли, а при случае и “осетер”, если “водяной

царь” не воспротивится. В заключение проделывается следующая процедура: в брюхо довольно крупного сига, предварительно поджаренного, вкладывается сороковка водки, после этого рыба завертывается в тряпку и перевязывается нитками, чтобы не развалилась в воде, и опускается в прорубь. Для кого предназначается водка и закуска, это, конечно, не требует пояснения.”

*Суеверные обычаи рыбаков.
(Письмо из Кобонского
прибрежья).*

“Озерный край”, 1914.

СТРАШНЫЙ ОБЫЧАЙ

“Нет, господа, что не говорили, а в душе человека всегда есть уголок для чувства страха. Вы улыбаетесь, храбрые читатели, да и как вам не улыбаться, когда вы сидите теперь в покойных креслах и от нечего делать пробегаете фельетон газет, как вам не улыбаться! А поставил бы я вас на мое место, в ту минуту, когда я струсил!

Дело было вот как: в уездном городе Новой Ладогге собрался чиновный народ провести, или лучше, убить время. Так тянулось до 12 часов. Но кому-то пришла охота рассказывать о виденьях, мертвецах и прочих небывальщинах. Разумеется, половина была — за, половина — против — все были довольны и все остались при своем мнении. Я был тогда еще молод, жил один, почти на краю города, недалеко от кладбища. Разошлись.

Везде было темно, но на повороте, в угловом доме, ярко светился огонь. Мы, провинциалы, из экономии ли, или от нечего делать, ложимся спать рано и потому огонь в час ночи — событие необыкновенное и должно было обратить на себя внимание. Я взглянул. Прислонясь к окну из внутренности комнаты, на меня смотрел мертвец, страшный, как смертный грех, обнаженный, как ладонь без перчатки.

— Ну, что ж, сомлели?

— Признаюсь, сомлел. Разумеется, я не верю, чтобы мертвецы вставали из гробов, но какой-то ланический страх обуял меня. Впрочем, я думал сначала, что это игра воображения, настроенного на лад только что кончившегося разговора. Вспомнившись — мертвец, живой мертвец. Подняв полы шинели, я бросился бежать. Вхожу в свою квартиру: везде тихо, только хозяйка моя (не улыбайтесь) храпит без памяти.

— Бабушка, а бабушка!..

— Что роднический?

— Бабушка, что за мертвец у П.?

— Да Акулька умерла, мою знать — так к окну и пристави-

ли, чтобы ловчее было.

Я лег. В 20 лет, если нет забот сердечных, спится хорошо, я начал уже смыкать глаза... Но вот что-то тяжелое налегло мне на грудь, хочу вздохнуть — не могу, хочу поднять руку — не в силах. Наконец, кое-как я перевернулся и с меня соскочила кошка. Я открыл глаза — передо мной опять стоял тот же мертвец и что-то бормотал себе под нос: силы начали оставлять меня, я готов был окончательно сомлеть, но орган слуха по-

чувствовал слова незагробные, а здешнего мира.

— Эка, проклятая, как ее угораздило перепугать парня. Бог с тобой, роднический, что ты Александр Петрович, так перепугался: ведь это Васяка негодный встревожил тебя...

Смотрю, сидя старуха, моя хозяйка, крестит меня дрожащей рукой, а сама держит наготове ковш воды, для прохладения моего разгоряченного воображения.

— Нет, нет, бабушка, уж это лишнее, — закричал я, вскочил и оделся. В эту ночь я уже не ложился спать.

— Что же дальше?

— Да дальше ровно ничего, разве то еще, что пора бы в нашем городе вывести обычай мыть покойников по ночам, приставляя к стене или окну, чтобы ловчее было.”

А. Батман. Обычаи и поверья Новой Ладогги. — “Санкт-Петербургские ведомости”, 1850.